

ВТАЙНЕ И В ОТКРЫТУЮ: НЕИСПОВЕДИМЫЕ ПУТИ ЗАПРЕТНОЙ ПРОФЕССИИ В АЛБАНИИ

А.А. Новик

Александр Александрович Новик | <http://orcid.org/0000-0002-1123-1109> | njual@mail.ru | к. и. н., заведующий центром европейских исследований, ведущий научный сотрудник | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Ключевые слова

проституция, Западные Балканы, мачизм, сексуальность, рефлексии в обществе, обычное право, законодательство

Аннотация

В исследовании в парадигме антропологии анализируются перипетии занятия женской проституцией на западе Балкан в XX – начале XXI в. Сложная судьба региона, сумевшего на протяжении жизни всего трех поколений сменить несколько общественно-политических формаций, культурных кодов и центров цивилизационного притяжения, оказала огромное влияние на восприятие обществом феномена торговли собой для сексуальных действий: от позитивной оценки коммерческой целесообразности и “блага для мужчин” до резкого осуждения “буржуазной эксплуатации” и состояния безысходности несчастных “жертв феодальных отношений и хищного капитализма”, от полного замалчивания самого факта существования явления до тайного восхищения смелостью жриц любви и, как следствие, многочисленных рефлексий в СМИ и истэблишменте, вызванных необходимостью изменения уголовного кодекса страны касательно занятий проституцией под давлением Евросоюза с целью гармонизации законодательных актов. В Албании, с сохраняющимися до настоящего времени многочисленными патриархальными пережитками в глубинке и “высоко продвинутыми” отношениями между полами в столичном регионе, наблюдаются различные подходы представителей разных страт социума к оценке “любви за деньги”, на что направлен главный фокус исследовательского интереса автора, работающего с полевыми изысканиями на Балканах в течение 30 лет.

Информация о финансовой поддержке

Исследование проведено в рамках плана НИР МАЭ РАН

Секс, сексуальность, продолжение рода, фертильность, интимные отношения, тайные знания посвящения в мир эротических грез и любви всегда оставались в приоритетах познания и практики каждого индивидуума и коллектива, даже если человек и общество пытались в определенные периоды

Статья поступила 01.03.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 07.04.2023

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Новик А.А. Втайне и в открытую: неистовые пути запретной профессии в Албании // Этнографическое обозрение. 2023. № 3. С. 43–69. <https://doi.org/10.31857/S086954152303003X> EDN: COVOIQ

Novik, A.A. 2023. Vtaine i v otkrytuiu: neispovedimye puti zapretnoi professii v Albanii [Secretly and Openly: The Inscrutable Ways of the Forbidden Profession in Albania]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 43–69. <https://doi.org/10.31857/S086954152303003X> EDN: COVOIQ

истории табуировать или скрывать пологом целомудрия данную сферу. В определенных моменты именно приобщение к “взрослой” жизни, как отмечает в своей теоретической работе по обрядам перехода Арнольд ван Геннеп, маркировало переход из одной социальной страты в другую – от неженатой молодежи к семейной, детородной, “полноценной” и самодостаточной части сообщества (*van Gennep* 2004 [1909]). Однако в течение взросления и зрелости – этих двух ответственных периодов жизни – наблюдаются приливы социальной турбулентности, требующие выхода сексуальной энергии, поисков интимного партнера, погружения в неведомый до поры до времени мир удовольствия и страсти, похоти и вседозволенности. У некоторых – и даже у многих(!) – представителей человечества такие взрывы активности не проходят до последнего рубежа (или обряда перехода) – до самой смерти. И здесь на пути человека, подавленного тяжестью желаний и увлекаемого соблазнами мира, безоружного, с одной стороны, перед силами природы, а с другой – перед довлеющими запретами традиционного уклада, встает такой устойчивый социальный институт, как профессиональная проституция в лице представительницы/представителя этой “древнейшей профессии” (название, с легкой руки Редьярда Киплинга прочно вошедшее в лексикон [*Kipling* 1889: 135–173]).

Не нужно быть профессиональным антропологом, чтобы констатировать тот факт, что подавляющее большинство соитий мужчин и женщин на земле происходит не с целью зачать нового члена общества, а ради удовольствия, удовлетворения желания, в силу привычки и социальной ответственности перед супругом, партнером и т.д. Дети нередко становятся неожиданным либо даже нежеланным плодом таких телесных связей. При всей очевидной важности для общества тема секса и интимных отношений не стала не только ключевой, но даже сколь-либо значимой для исследований социальных и культурных антропологов, историков, филологов и других специалистов; “копание в телах и душах” людей было отдано на откуп почти исключительно психологии, целительству и профессиональной медицине – сексологии и психиатрии. Можно назвать лишь немногочисленные работы на тему сексуальности и общества на этнологической “базе” (*Freud* 1901; *Malinowski* 1929; *Foucault* 1980; *Кон* 1997; *Ratsch* 1997; *Clarke* 2001; *Adler* 2013; др.), а на балканском материале таких исследований почти нет. Определенным исключением являются связанные с интимной стороной жизни родинная обрядность и брачные отношения – по ним как раз создана обширнейшая научная литература, объединяющая эмпирику разных народов мира и подкрепленная теоретическими разработками известных ученых (Славянские древности 1995–2012; *Tirta* 2006; др.). Но и в этих исследованиях наблюдения над практиками, традициями и соответствующей рефлексией в обществе, а также их анализ стыдливо прерываются, как только речь заходит непосредственно о сексе и сексуальности (см., к примеру: *Tirta* 2006: 313), оставляя читателю возможность додумать самому или положиться на собственный опыт.

Если обратиться к такой теме, как проституция в современном обществе, то нужно признать, что она практически полностью табуирована в этнологической науке на балканском материале, при том что почти столетие она оставалась на пике популярности у ряда европейских авторов, писавших о любви за деньги в античном мире – в Древней Греции и Древнем Риме (*Dufour* 1851; *Sanger* 1913). О проституции в Албании вышла лишь одна монографическая работа “Публичные женщины. История албанской проституции в период Зогу” историка Фатоса Баджаку и журналистки Клэдианы Капо (*Baxhaku*,

Каро 2014). Основанное прежде всего на архивных данных (исключительно из Государственного центрального архива Албании) и литературных источниках, исследование не анализирует этнографические материалы и не содержит напрашивающихся антропологических рефлексий, а является плодом интереса в албанском обществе в большей степени к монархии и самой личности короля Ахмета Зогу (1895–1961; годы правления 1928–1939) и в меньшей – к древнейшей профессии.

Проституции – явлению, пронизывающему балканское общество на протяжении столетий (пусть и с различной интенсивностью), “улучшающему” телесное, духовное и социальное самочувствие преимущественно мужчин, замалчиваемому, наказуемому или скрываемому в разные периоды (в зависимости от взглядов, преобладающих в обществе), посвящается данная работа, материалы для которой были собраны автором в 1990–2022 гг. Интерес сфокусирован на женской проституции, так как именно этот вид профессиональной активности затрагивает большее число акторов. Ареалом исследования стали Западные Балканы, прежде всего территория Албании¹. Автор ставит следующие научные задачи: выяснение степени принятия/отторжения албанским обществом явления проституции; оценка включенности практик оказания интимных услуг в традиционную культуру Балкан, до настоящего времени характеризующуюся рядом исследователей как патриархальная и маскулинная (*Gjergji* 2002; *Tirta* 2006: 236–250); анализ места и роли секса за деньги в современном социуме, подвергающемся революционным трансформациям в силу глобализации информационного пространства и тренда на “международность”; отражение темы сексуальности в общественном дискурсе, говорящем о стремлении главным образом политической элиты присоединить Албанию к Европейскому Союзу и не всегда очевидным “европейским ценностям”.

Воспоминания об античных нравах и мачизм

В антропологии широко распространена теория традиции территории, предполагающая сохранение культурных пережитков, экономических паритетов и социальных практик при смене этнического, конфессионального, расового, цивилизационного состава населения, культурного кода и языка (*Мыльников* 1997). В значительной степени такие подходы могут быть приложены и к явлению проституции; впрочем, что касается Албании, данный теоретический подход вряд ли работает. Образование греческих полисов на западе Балканского п-ова (с VIII в. до н.э.), а позже вхождение иллирийских земель в Римскую империю, сопровождавшееся переформатированием греческих городов в римские мегаполисы и управлением прежде полунезависимых территорий консулами из центра, привели к включению этой части Западных Балкан в единое культурное пространство огромного государства (*Anamali, Prifti* 2002). Так, Диррахий, получивший при римлянах название Эпидамн (совр. Дуррес), в период расцвета Римской империи насчитывавший около 200 тыс. жителей (в наше время в этом крупнейшем порте страны и втором по численности населения городе Албании проживает около 100 тыс. чел. [INSTAT 2022]), стал центром развлечений с огромным числом таверн и борделей. Сюда стекалась римская знать, пересекавшая Апеннины по Виа Апия на лошадях, мулах и ослах, а Адриатику – на парусно-гребных

судах, здесь начиналась римская дорога Виа Эгнатия, соединявшая Адриатическое побережье с Эгейским морем (*Anamali, Prifti* 2002; *Иванова* 2006: 60). Для работы в борделях специальные агенты, объезжавшие сельскую местность, “рекрутировали” провинциальных девушек и юношей и сулили им золотые горы. В портовом городе наивные молодые люди оказывались “без документов” и вынуждены были отрабатывать свой хлеб (у любого антрополога должно возникнуть ощущение дежавю – словно и не прошло двух-трех тысяч лет с того времени) (ср.: *Ringdal* 2007). В городе “новобранцев” знакомили с культурой сексуальных удовольствий. Здесь же их обучали уходу за своим телом, что в империи было возведено в ранг культа: посещение терм, удаление волос с тела, использование благовоний для всех горожан, в том числе и для работников сферы интимных услуг, было неременным условием принятия в круг “цивилизованных” граждан (*Домосилецкая, Новик* 2022: 24). О былом процветании столицы удовольствий в наши дни свидетельствуют как сохранившиеся античные развалины, так и передающиеся исторические былички.

Вон, как огнями светится Дуррес! И к нему направляется корабль. А в древности он был знаменит своей кухней и проститутками... Здесь побывали все известные нам деятели культуры и политики, поэты, философы. Ты же знаешь историю о том, как однажды сюда приехал Цицерон, потратил в лупанариях все деньги. Оставшись без гроша, просил помощи у матери, и только когда она деньги прислала, смог уехать обратно в Рим (АМАЭ 2022. Беседа за ужином с албанкой, 1966 г.р., уроженкой с. Требишт, краина Голоборда, депутатом Парламента Албании; Голем, округ Кава; сентябрь 2022 г.).

Данные “мемораты” не относятся, вне сомнения, к традиционным знаниям, передающимся от поколения к поколению, а представляют собой информацию, транслируемую литературой, СМИ, в последние годы – глобальной паутиной (АМАЭ 2022: 46–48). Профессиональной проституции, равно как и многим другим явлениям и социальным институтам, не суждено было сохраниться в том виде, в каком она существовала в эпоху Цезаря. Римское правление на территории современной Албании сменила Византия, позднее сюда вторглись норманны; здесь правили болгарские цари, анжуйская династия, сербские короли, местные феодалы; в XIV в. пришла Венецианская республика (именно к венецианскому правлению относится первое письменное упоминание профессиональных проституток в городском статуте Шкодры², крупнейшего до середины прошлого столетия урбанистического центра страны), а в XIV–XV вв. практически весь Балканский п-ов оказался во власти султанов, подчиненный стремительной османской коннице. От римских *лупанариев* (лат. *lupānar* или *lupānārium* – “публичный дом”) не осталось и следа. Если в Античной Греции правил бал культ красивого, сильного и здорового тела (умаживание тела оливковым маслом и благовониями стало почти обязательной практикой личной гигиены референтных слоев общества), а в римскую эпоху культура терм и омовений стала почти религией, – и все это было тесно связано с актуальной концепцией привлекательности, с сексуальностью и миром интима, с открытостью половых отношений, включая продажную любовь – то с приходом новых правителей и установлением идеологии победителей, ситуация изменилась кардинальным образом. Города Диррахий, Аполлония, Бутринт и др., возникшие на западе Балканского п-ова в VII–VI вв. до н.э. и оказывавшие существенное влияние на окружающее население и хинтерланд в самых разных аспектах, включая сексуальные отношения, гигиену и культуру ухода за телом, теряют

Рис. 1. Берат, Албания. Сентябрь 2010 г. Фото А.А. Новика

свое значение: со II в. н.э. в Эпидамне (бывшем Диррахии) подпольно функционирует христианский храм; в III в. погибает Аполлония вследствие катастрофического землетрясения; в 551 г. после нападения вестготов Бутринт с его роскошными театром и стадионом постепенно превращается в пастбище для овец и коз (*Anamali, Prifti* 2002). Смена парадигмы отношения к выпячиванию либо, наоборот, сокрытию интимной стороны жизни, равно как и к собственному телу, произошла в период правления Византии – с V по XV в. В государстве, идеологически опиравшемся на христианскую доктрину, была принята аскеза: отрицание физического и физиологического начал в человеке и утверждение превалирования духовного, соответственно, осуждение греховной телесности и всего, что может вызвать “дурные” мысли и желания. Изгнание “беса греха” стало на долгий период определять внешний вид и отношение человека к окружающему миру. Любые сексуальные отношения вне брака строго порицались, а отклонение от нормы грозило казнью на костре (так в правление Юстиниана стали караться уличенные в гомосексуальных связях, что быстро редуцировало укоренившуюся, как писали современники, среди мужчин в эпоху античности однополую любовь) (Io Διεθνες 2003).

Пришедший на смену византийскому османский культурный код знаменовал изменение отношения к телу, сексуальности, интимной сфере. Так, мусульманская мораль, с одной стороны, требовала сдержанности в проявлении чувств, включая прописанные правила поведения. Здесь уместно вспомнить “дома холостяков”, строившиеся в больших городах для молодых неженатых людей, к примеру, в г. Берате (Рис. 1) рядом с “Мечетью холостяков” (алб. *Xhamia e beqarëve*; выдающийся памятник архитектуры XIX в.). Организация совмест-

ных проживания неженатой молодежи и проведения досуга в своей основе имела цель снизить сексуальную напряженность и оградить горожанок от возможных домогательств, а общество от эксцессов. С другой стороны, ориентальная культура с ее соблазнами (поэзия *бейтеджи*³, литература, музыка, танцы, философия) транслировала обостренную сексуальность в ее разных проявлениях, включая костюм и времяпрепровождение в кофейнях, *чайханэ*, *хаммамах* и т.д. (Десницкая 1987: 18–35; Иванова 2006: 166–169, 193–194).

Вместе с тем узкая лазейка для телесного соития с женщиной – для неженатых мужчин и с “чужой” женщиной – для женатых оставалась. Чтобы ею воспользоваться, нужно было обладать платежеспособностью. В османский период большую популярность получили *ахэнги* (алб. *ahëng, -u*) – музыкально-танцевальные группы; их выступления стали непременным атрибутом общественных мероприятий по случаю религиозных торжеств и важных политических событий и семейных праздников зажиточных граждан как в городах, так и в сельской местности. В состав *ахэнгов* очень часто входили *ченги* (алб. *çengî, -a*) – одновременно и танцовщицы, и певицы, развлекавшие публику исполнением традиционного репертуара. Нередко неофициальным, побочным, а в действительности весьма ощутимым приработком див от народного искусства было оказание сексуальных услуг (*Baxhaku, Kapo* 2014: 35–52). Молодость, привлекательная внешность, эффектная фигура и мастерство в “профессиях” (обеих) служили мерилом общественного “признания”, приближения к власти предрежащим и уровня доходов (см.: Magubi 2003). Так, наиболее прославившиеся *ченги* становились платными любовницами *вали* (правителей вилайетов) и *кадиев* (судий), а менее успешные довольствовались убажанием горожан средней руки и зажиточных крестьян. Важная черта института *ахэнгов* в Албании – этническая принадлежность музыкантов: практически все участники групп были цыганами⁴. Связь с артисткой, становящаяся достоянием молвы, не воспринималась обществом как акт интимных отношений за деньги, а оценивалась как любовная победа мужчины – и чем больше таких связей он мог себе позволить, тем более успешным человеком его считали окружающие. В быту, в традиционной культуре такой подход был настолько укоренен, что долго сохранялся и после приобретения Албанией независимости в 1912 г., а *ахэнги* сохраняли свое предназначение неизменным до середины XX в. Со сменой общественной и политической парадигмы после прихода к власти коммунистов в 1944 г. ансамбли изменили свои функции (стали исключительно развлекательными коллективами) и продолжили жизнь в фольклоре и народном творчестве – здесь стоит указать на протагонистов песен и баллад, влюбившихся в “чернооую *ченги*” (Folklor 1963–1966).

“Это все чужие!”

Бурная история XX в. принесла на запад Балкан революционные преобразования; в Албании это королевское правление Гогенцоллернов, создание республики, доморощенная монархия, итальянская фашистская, а затем немецкая нацистская оккупация, длительная эпоха монизма с безуспешной попыткой строительства социализма с опорой на собственные силы, демократические преобразования с начала 1990-х годов (Смирнова 2003). Все эти исторические перипетии – помимо изменения экономических, общественных и культурных установок – привели к многочисленным различиям в стереотипах поведения, гендерных отношениях, в понимании сексуальности и свободы ее выражения

Рис. 2. Пожилой албанец на муле; патриархальные картины можно увидеть в центре города и сегодня. Гирокастра, Албания. Сентябрь 2010 г.
Фото А.А. Новика

у албанцев разных регионов Албании. Одно оставалось долгое время неизменным для большинства жителей страны: вера в “вековые нравственные устои общества” (*Gjeçovi, Fox 1989*), которые, казалось, не допускали никаких моральных отступлений – ни неконтролируемых взаимоотношений между полами, ни тем более такого явления как проституция.

Знаешь, среди цыган встречаются светловолосые. Это дети от связей с албанцами и турками. Ведь *евги* по природе смуглые, черноволосые и кареглазые. Они пришли вместе с турецкой армией. Обслуживали ее. Женщины готовили, стирали солдатам. Ну и оказывали интимные услуги, за деньги, понятно. Мужья им не запрещали. От таких связей и рождались светлые дети. Сообщество их принимало. Много веков так было. Албанки этим не промышляли (АМАЭ 2018. Информант – албанец из с. Дарза, область Корча, 1938 г.р., профессор; беседа записана в Тиране в сентябре 2018 г.).

Сохраняющееся в албанском обществе показное пуританство в вопросах взаимоотношения полов и сексуальной жизни во многом базируется на многовековом патриархальном укладе предыдущих поколений (Рис. 2). Жестокие

нравы были обусловлены традицией горцев и прописаны в кодексах права и чести (“Канун Лека Дукагына” и “Канун Скандербега”) (см.: *Gjeçovi, Fox* 1989). Несмотря на глубинные трансформации политической, социальной, экономической систем и культурных ориентиров, произошедшие в десятилетия, последовавшие после объявления независимости в 1912 г., семейные ценности, интимная сфера жизни продолжают оставаться в значительной степени неприкосновенными и табуированными. Любое нарушение правил в этой области воспринимается как грубое вторжение в заведенный порядок и ритм жизни, виновных при этом стараются найти или “назначить” из числа *чужих*.

Так, еще в начале XX в., когда во время правления Ахмета Зогу (Ахмет Зогу сделал карьеру в качестве министра внутренних дел, позже премьер-министра, а затем и короля Зогу I), имевшего богатый опыт жизни за границей и инициировавшего открытие первых публичных домов, тема легализации проституции в получившей независимость Албании имела широкую огласку и вызвала нешуточную дискуссию в обществе. Нарушителей традиционной морали нашли быстро – ими оказались, согласно полицейским сводкам, в основном иностранки, приехавшие в годы военного лихолетья (Балканских войн 1912–1914 гг. и Первой мировой 1914–1918 гг.) в страну вслед за контингентом иностранных армий, размещенных здесь в ходе боевых действий. “Жрицы любви из Греции, Сербии, Италии, Черногории и других стран устремились на огонек наживы в нашу благонравную страну, где о таком позорном явлении, как проституция, прежде и не слыхивали”, – приблизительно так писали публицисты и говорили политики 1910–1930-х годов (см., напр.: *Java* 1936). При этом даже само слово “проституция” чаще всего заменялось эвфемизмами, такими как “непозволительное”, “свободное поведение” и т.п. Очень выразительный пример декларации любви к своей родине, где негативных явлений быть не может по определению, а если они и есть, то принесены издалека и чужими, но никак не *своими*! Слабой уступкой правде было признание пламенными патриотами того факта, что в проституцию были вовлечены местные цыганки. Однако если мы обратимся к донесениям префектов полиции городов Дуррес, Тирана, Шкодра, Гирокастра, Корча, Пекин и др., датированным 1920–1930 годами и сохранившимся в Государственном центральном архиве Албании, то увидим, что наряду с именами иностранок, а также цыганок⁵, немало албанских имен и фамилий, что не вяжется с официальной версией распространения проституции и вовлеченности в нее *своих* и *чужих*: “Тирана, 1931. 1. Милица югославка, 2. Флора гречанка, 3. Мария М. югославка, 4. Назмия ксоварка, 5. Тушья Идризит из Камзы, 6. Наджие из Улчина, 7. Лючие из Шкодры <...>” (*Baxhaku, Karo* 2014: 110–112). Вот другой пример – донесение инспектора мэрии Тираны от 1938 г.:

Нижеследующим имеем честь сообщить в ответ на запрос...

1. В этом городе открыто 5 борделей.
2. В этих борделях работает 71 публичная женщина, из которых 5 гречанок, 2 югославки, 2 французки и 62 албанки.
3. За год число женщин в борделях увеличилось на 10, из них 8 албанок и 2 гречанки <...>
5. За год высланы 4 женщины, из которых 1 из Чехословакии 43 лет, 2 немки 17 и 46 лет и 1 болгарка 30 лет (AQSh 1938).

Как видим, для представителей власти большее значение имела не этническая принадлежность “публичных женщин”, а их гражданство – если говорить канцелярским языком – “по паспорту”. Среди них было немало уро-

женок Косово, албанок из соседней Югославии, которых не воспринимали *своими*, а относили к *чужим*.

Помимо архивных источников и относительно многочисленных публицистических материалов в периодике, мы находим свидетельства встречи общества с “новой” древнейшей профессией в литературных памятниках. Так, один из самых известных албанских писателей Петро Марко (1913–1991), чьи годы ученичества прошли в портовом г. Влёра, вспоминал, как он со своими однокашниками был взволнован фактом открытия публичного дома (согласно предписанию министра внутренних дел). Долго не решавшийся лишиться девственности, он при подтрунивании приятелей все же отправился “навстречу взрослой жизни”. Однако, когда будущий литератор переступил порог “запретного дома” и увидел очень некрасивую женщину, цыганку, гречанку или сербку, потребовавшую сразу заплатить, быстро ретировался – это стало моральной травмой на многие годы (Marko 2000). В воспоминаниях Марко на первый план выходит все тот же фактор – фактор *чужого*.

Новая волна проституции была вызвана Второй мировой войной, когда вслед за оккупационными армиями (вначале итальянской в апреле 1939 г., а затем немецкой в 1943 г.) в страну прибыло немалое число “жриц любви”. В отличие от периода Балканских войн и Первой мировой, когда передвижение “публичных женщин” было нерегулируемым и определялось экономической целесообразностью и надеждами поживиться самих проституток, новое их пришествие регламентировалось законами военного времени стран оси Рим–Берлин–Токио и было обеспечено службами тыла и транспорта: оккупанты “привозили с собой публичные дома” с соответствующим персоналом из компатриоток (речь “на злобу дня” итальянского генерала Висконти-Праска, произнесенная 28 октября 1940 г. в г. Корче перед отступающими из Греции солдатами, см. в: *Baxhaku, Karo* 2014: 9). Этот факт вызывал брожение в общественном сознании и официальном дискурсе (Албания формально сохраняла самоуправление – граф Чиано, зять Муссолини и по совместительству итальянский министр иностранных дел, управлял “Страной горных орлов”, опираясь на местное, лояльное фашистскому режиму правительство, заседавшее в Тиране): такое вторжение в систему традиционных ценностей воспринималось не меньшим злом, чем военное вторжение сухопутных войск, авиации и флота. При том что в стране не закрывали свои двери доморощенные дома терпимости, санкционированное сверху прибытие иностранок для оказания интимных услуг казалось вопиющим актом надругательства над местными обычаями и нравственностью. Восприятие обществом нового порядка и несущих угрозу устоев зафиксировано не только в документах эпохи, но и в художественной литературе. Так, Исмаиль Кадаре (р. 1936) в своем романе “Хроника в камне”, базирующемся на детских воспоминаниях, описывает переполох среди горожан Гирокастры, вызванный появлением не столько итальянских войск, сменивших греческие части, сколько католических монахинь и “бумажного дома”, в который военные грузовики привезли жриц любви (Kadare 1971). *Чужая вера, чужие девушки и чужие нравы* давали партизанам не меньше поводов для освободительной войны, чем появление *чужих* солдат и водружение *чужого* флага над городской управой. В противостоянии с врагом вопросы общественной морали концептуализировались гипертрофически: “для освобождения родины необходимо было освободиться от итальянских курв”, которые несли “смертельную угрозу древним традициям”, нравственным устоям, а в конечном итоге – жизни горожан и города, всего народа и страны (Ibid.). Для того чтобы проиллюстрировать разницу двух

цивилизационных подходов – инновационного европейского и традиционалистского албанского, Кадаре противопоставляет образы девушек-итальянок, безропотно приехавших в бордель для военных, и двух героических албанок, помогавших партизанам и повешенных немецкими оккупантами за подрывную деятельность на главной площади Гирокастры (памятник им, воздвигнутый в годы монизма, в отличие от многих других монументов эпохи, сохранился до настоящего времени).

Развернувшееся после 1944 г. строительство социализма, с его идеологией, приоритетами и моральными ориентирами, казалось, навсегда покончило с таким явлением, как проституция (Смирнова 2003). “Любовь за деньги” была объявлена уголовно наказуемым деянием: вплоть до демократических преобразований начала 1990-х годов не могло быть и речи даже о нелегальном занятии проституцией – нарушительницам грозил не гипотетический штраф, а реальный тюремный срок. Понятно, что речи не шло и о легальном ведении “бизнеса” – будь то индивидуальная деятельность либо организованное предоставление сексуальных услуг. Имеющиеся в архивах материалы говорят об исключительно низком проценте привлечения к уголовной ответственности за проституцию в годы социализма (AQSh 1945–1990). Подтверждают этот факт и воспоминания бывших заключенных албанских тюрем и концентрационных лагерей: “Среди зэчек, сидевших с нами, лишь одна-две женщины были привлечены за проституцию” (Пиша [Баткина] 2011). Хотя мы знаем, что по ложному доносу или надуманному, порой самому фантастическому обвинению режим Энвера Ходжи репрессировал огромное число своих граждан. Так, по некоторым данным, опубликованным Институтом изучения преступлений и жертв коммунизма (Тирана), до трети населения страны подверглось преследованиям, было лишено прав, выслано, посажено в тюрьму или казнено (Instituti n.d.). Но и в этих условиях занятие проституцией официально и на бытовом уровне приписывалось, как правило, не албанкам, а *чужим* – чаще всего цыганкам. Русским женщинам, попавшим на наковальню жесточайшего в Европе режима, к слову, инкриминировался чаще всего шпионаж в пользу Советского Союза (Новик 2018: 151–175) и – никогда(!) – их не обвиняли в доступности в интимных отношениях, чего можно было бы ожидать с позиции устойчивых этнических стереотипов в наши дни.

Токсику (говорящее прозвище товарища, дано потому, что “грузит” по разным вопросам, албанец, 32 года, родом из Корчи, работает на правительство. – А.Н.) на днях снял проститутку. Он холостой, девушки у него нет, ты знаешь. Захотел секса, пошел к Дворцу культуры, там со стороны сквера встретил проститутку. Она была *габеле* (цыганка). Албанки этим не занимаются. Албанки могут и бесплатно дать (смеется). Сколько заплатил, не знаю, могу спросить. А тебе зачем? (ПМА 2022: информант – албанец, 31 год, из Мальсия-э-Тиранес, агент по недвижимости; беседа в WhatsApp записана в мае 2022 г.).

Ты был в Казахстане? Токсику опять снял проститутку, та была из Казахстана. Он заплатил €100 за секс. Предлагал и мне воспользоваться ее услугами. Но я остерегаюсь (ПМА 2022: информант – албанец, 31 год, из Мальсия-э-Тиранес, агент по недвижимости; беседа в WhatsApp записана в ноябре 2022 г.).

От легкомыслия до предательства Родины

Узкие границы дозволенного девушке и женщине в традиционалистском обществе особенно строго были очерчены в сфере интимных отношений: любой неосторожный взгляд, необдуманное любопытство или едва обозначенная доверчивость могли интерпретироваться как легкомыслие, доступность,

неразборчивость и в общем “шлюхное” поведение. Подобная репутация очень быстро приклеивалась к нарушительнице и распространялась в коллективе, сообществе, в населенном пункте и районе проживания, особенно учитывая небольшое число жителей и размеры *краин* и всей страны.

В годы строительства социализма вездесущая и всесильная служба *сигурими* (государственной безопасности) взяла на себя и негласное отслеживание возможных нарушений общественной морали. Такой надзор над будаурами своих сограждан позволял устанавливать и тотальный контроль над умами рядовых албанцев. Так, в романе Исмаила Кадаре “Жизнь, игра и смерть Люля Мазреку” (алб. “Jeta, loja dhe vdekja e Lul Mazrekut”), написанном и опубликованном, к слову, в “разгул” демократических реформ в 2002 г., гротескно представлена деградация общественного строя в последние годы эпохи монизма (конец 1980-х годов) (Kadare 2002). Главного героя произведения судьба сталкивает с девушкой, завербованной спецслужбами; она попала в поле зрения “комитетчиков” из-за слишком вольного поведения в интимной связи с молодым человеком, который поделился впечатлениями от необычного сексуального опыта со своими друзьями, а те – со своими, и очень быстро героиня была вызвана в печально известное жителям столицы здание, где располагалось секретное ведомство. Кадаре, самый известный албанский писатель, неоднократно выдвигавшийся на присуждение Нобелевской премии по литературе, часто заявлял о подлинности и историчности большинства своих сюжетов; это справедливо и для его первого албанского романа о социализме, гомосексуализме, о человеке и обществе, о любви и предательстве.

В последние годы в центре Тираны, в здании бывшей службы государственной безопасности был открыт музей, посвященный истории ведомства, а главным образом жертвам репрессий тоталитарного режима. “Дом с листьями” (алб. “Shtëpia me gjethe”) получил свое название из-за густых крон деревьев, скрывавших от посторонних взоров неприметное здание – из него осуществлялась прослушка иностранных посольств и представительств, в нем велись допросы арестованных и проводилась вербовка потенциальных агентов (Muzeu n.d.). В экспозиции музея особый акцент сделан на мультимедийный контент. Так, посетителям предлагается к просмотру снятый в годы социализма документальный фильм о подрывной деятельности внешних и внутренних врагов. В одном из эпизодов супруга торгового атташе Югославии (страны, “ревизионировавшей идеи социализма и коммунизма”, согласно официальной версии Албанской партии труда), прикрываясь от возможной слежки малолетним сыном, отправляется на “буржуазном мерседесе” на окраину Тираны к портнихе (албанской гражданке – арумынке или румынке!), занимающейся незаконной коммерческой деятельностью – индивидуальным пошивом за деньги (валюту!) или в обмен на отрезки ткани западного производства (что равноценно). Обоих дам “накрывают” бдительные офицеры *сигурими*, не позволяя обойти социалистический закон, запрещающий спекуляцию, валютные операции, незаконную коммерческую деятельность, что равноценно... измене Родине. Этот короткий фильм, снятый в пропагандистских целях, как нельзя лучше иллюстрирует царившую в стране атмосферу страха, подозрительности и абсурда. Никаких интимных связей за деньги с компатриотами, а уж тем более с иностранцами быть в эти годы не могло (если, конечно, это не было санкционировано самим *сигурими* с целью получения компромата).

В любом случае такого явления, как валютная проституция, в социалистической Албании не существовало – для него не было ни предпосылок, ни условий:

бдительная служба госбезопасности отслеживала все контакты своих граждан с иностранцами, даже за безобидное общение могли обвинить в шпионаже в пользу другого государства и предательстве Родины, что влекло за собой суровый приговор, вплоть до смертной казни (Смирнова 2003). Жизнь людей подчинялась навязанным государством предписаниям, но нередко законы природы, страсть, жадность или любопытство брали верх, и человеческие судьбы, судя по зафиксированным полевым материалам, зачастую оказывались разнообразнее и “закрученней” сюжетов литературных произведений.

Когда я сидела (под следствием. – А.Н.), у нас была женщина. Ее привезли из горной деревни – она мужа убила. Случай редкий. Сказала, что полюбила другого, а муж мешал, она его и убила – не могла терпеть. Мы ей все сочувствовали. Вообще, чтобы так в сельской местности открыто страсти кипели, в то время было редкостью, поверь. Мужу изменять... У нас сидели уже опытные женщины, они стали горянке советовать: дави, мол, на жалость судей, расскажи им о своей тяжелой доле в горах, в семье, разжалоби их! В Албании тогда по закону было – могли выпустить из зала суда. Нашу *мальсорку* (горянку) увезли на суд, а оттуда она не вернулась. Сказали потом, что она судьям такого о своей судьбе поведала, что те заплакали прямо – отпустили из зала суда! У меня так не получилось. По политической статье ждать пощады не стоило, не выпускали. Мне дали 18 лет тюрьмы, а отсидела я 14 лет, вышла, когда уже Ходжа умер (ПМА 1996: информантка – Надежда Константиновна Сидорова-Кабаши, 1929 г.р., русская, из г. Ленинграда, осужденная в Албании за шпионаж в пользу Советского Союза; запись беседы в Санкт-Петербурге в декабре 1996 г.).

За годы строительства социализма в Албании были репрессированы, казнены, отправлены в ссылку тысячи женщин (Instituti n.d.). На юге страны работал специальный женский лагерь для осужденных (см. исключительно эмоциональное повествование Таисии Пиши об этом исправительном учреждении, опубликованное в Израиле: Пиша [Баткина] 2011). Осужденных за проституцию в стране, согласно имеющейся статистике, практически не было.

От грехопадения и смертного преступления до девиантного поведения

Отношение общества к проституции как явлению и к женщинам, оказывающим интимные услуги за вознаграждение, кардинальным образом стало меняться в последние годы. Эпоха увлечения античным “романтизмом” – с рассказами на бытовом уровне о том, как древние римляне на галерах, управляемых рабами, прибывали в древний Эпидамн ради сексуальных и гастрономических развлечений, – пришла относительно поздно, лишь в 1990-е годы. А до этого позиция большинства албанцев, по крайней мере, высказываемая вслух, была исключительно негативной по отношению к “любви за деньги”. Здесь можно привести реляции мэрии и видных городских чиновников крупнейшего порта Дурреса, направленные в столицу в качестве ответа на требование Министерства внутренних дел от 1922 г. (получившее название алб. “Rregullorja e kurvënies”, досл. “Правила занятия шлюхим делом”) обеспечить работу публичных женщин: “Подобные заведения не могут быть открыты ввиду отсутствия хоть какого подходящего здания”; “условия в городской больнице не позволяют обеспечить частые визиты барышень для проверки”; “парни в Дурресе женятся молодыми”; и главное – “по причине древних и благородных обычаев нашей страны” (Baxhaku, Kapo 2014: 90–91). Не отставали в осуждении проституции и “вольных нравов” от градоначальников и полицейских чинов периода королевства и революционно настроенные коммунисты эпохи строительства социализма, о чем шла речь выше.

Декларируемое обществом пуританство на грани лицемерия в сфере интимных отношений и табу в освещении вопросов, касающихся секса, держались в Албании очень долго, этому способствовали: 1) показная мусульманская мораль (до настоящего времени большинство жителей страны исповедует ислам); 2) патриархальные традиции (в высшей степени влияющие до сих пор на общественную жизнь); 3) идеологический кодекс строителей социализма (навязываемый сверху почти полвека); 4) относительно небольшие территория страны и численность ее жителей (*sic!*), что автоматически приводит к самоконтролю в проявлении чувств, к формированию самосдерживающих поведенческих стереотипов и т.п., ведь потенциальный любовник, клиент, и даже объект внимания может оказаться знакомым, родственником и т.д.

Существовавшие оковы, подавлявшие на протяжении столетий чувства, страсти и желания (как удовольствия, так и наживы), словно в одночасье рухнули вместе с крушением режима монизма в начале 1990-х годов. Для этого давно назрели предпосылки. Оставшиеся долгое время в изоляции как внешней, так и внутренней, албанцы получили свободу передвижения. Барьеры, запрещавшие перемещаться по стране (к примеру, для поездки в другой город внутри Албании требовалось получить разрешение в органах внутренних дел, а по прибытии на место – встать на учет) и покидать ее пределы, были окончательно сняты. Молодые и крепкие люди на захваченных морских судах отправлялись в Италию и Грецию в поисках лучшей доли, а жители глубинки всех возрастов и обоих полов “спускались с гор” в столичный регион в поисках работы и “цивилизованной” жизни (Смирнова 2003). Согласно статистике, к концу 1980-х годов в Тиране насчитывалось около 180 тыс. жителей, в 1990-е годы – уже около 600 тыс., а в 2000-х годах – 1 млн (INSTAT 2022).

Многие девушки и женщины в сложный период трансформаций общественной, политической, экономической и идеологической систем оказались без работы и перспектив на будущее, без поддержки семьи. Они оставляли родные села и небольшие рабочие поселки и перебирались в столицу, портовый Дуррес или приморскую Влёру с целью устроиться там, прокормить себя и по возможности помочь родным. Некоторые, отчаявшись найти работу, вынуждены были торговать своим телом.

Ты знаешь, самое удивительное то, что среди тиранских проституток больше всего тех, кто приехал из мест, где действует древний *канун* – из Мальсии-э-Мазэ, Дукагына, Мирдиты и др. Традиционно женщина там полностью подчинена заведенным порядкам, она боится лишний взгляд на чужого мужчину бросить. До свадьбы никаких тебе интимных отношений – это не только не принято, а вообще жестоко карается. И все *мальсоры* (горцы) очень бдительно следят за честью своих дочерей, сестер и жен. Но, оказавшись здесь, в большом городе, они, *мальсорки*, словно срываются: идут на любой сомнительный заработок, торгуют собой, вступают беспорядочные связи. Наверное, от того, что дома за ними строгий контроль, а здесь следить некому... Другого объяснения и не дашь (ПМА 1996. Информант – албанец православный, 1938 г.р., уроженец с. Дарза, область Корча; беседа записана в Тиране в сентябре 1996 г.).

Приведенный выше разговор состоялся после экспедиции автора в краину Дукагын, расположенную в Северо-Албанских Альпах. И главное в приведенном фрагменте – не информация о проститутках-*мальсорках*, а та простота, с которой говорит собеседник о явлении, которое еще несколько лет назад было не только под запретом, согласно статьи уголовного кодекса⁶, но считалось криминалом и с точки зрения общественной морали. Впрочем, тот факт, что в столице древним промыслом заняты приезжие из горной глубинки, а не *свои*, тоже подчеркнут.

Собеседник (С.): Можно с Вами поговорить?

А.Н.: О чем?

С.: Может мы познакомимся? Я Оскар!

А.Н.: В смысле – премия?

С.: Нет. Я албанец. Живу во Франции.

А.Н.: Поэтому у Вас такой роскошный автомобиль? (белый “мерседес”, не последней марки, но представительского класса).

С.: Да, поэтому! Не хотите встретиться сегодня? Я организую вечеринку, там будут девушки... и не очень дорого.

А.Н.: Нет, спасибо!

С. (сделав круг на автомобиле): Там будут даже несовершеннолетние девушки, 14–15 лет. Хотите?

(ПМА 1994. Информант – албанец, около 35 лет; случайная встреча рядом с отелем “Tirana International” в июле 1994 г.).

Слушай, вот у тебя столько девушек-студенток. Они не хотят подработать? Ведь жизнь дорогая. А девушкам то помада нужна, то сапоги. Я могу это легко организовать. Ты свою часть получишь (ПМА 2003. Информант – албанец гег, около 40 лет, с севера страны, бизнесмен; беседа в Тиране в сентябре 2003 г.).

Албания, скинув оковы монизма, “освободилась” и от многих табу и обязательств, которые на протяжении столетий были непременным условием общественной жизни и нравственного самочувствия нации. Патриархальный уклад, характерный не только для сельской глубинки и отдаленных горных областей, но даже и для крупных городов, включая столицу, дал трещину, ликвидировать которую не смогли в последовавшие за 1990-ми десятилетия ни реанимированные с большим трудом социальные институты, ни религиозный ренессанс с его возросшим авторитетом духовных лидеров, ни принятые государственные программы, направленные на возрождение традиционного и народного в культуре и экономике (такие, к примеру, как проект “100 деревень”; алб. “100 fshatra”) (Programi 2023).

Албанцы стали другими. Мы теперь не дорожим, как святыней, семейными связями. А ведь еще недавно для нас семья была главной ценностью. При Энвере мы жили бедно, но на первом месте была семья; мы встречались на все праздники, семейные церемонии, по любому незначительному поводу. А теперь мы стали жить лучше, в магазинах все появилось, но мы отдалились друг от друга – теперь редко собираемся. Главными стали деньги, экономический успех, карьера (АМАЭ 2018. Информантка – албанка, около 40 лет, вахтер студенческого общежития; беседа в Тиране в сентябре 2018 г.).

В быстро меняющейся системе ценностей различные “язвы общества”, к которым веками относили и проституцию и которые на протяжении даже одного последнего столетия одинаково страстно клеймили и пытались выжечь мусульманские и христианские проповедники, чиновники султанского и королевского правительств, увлеченные идеей построения нового общества коммунисты и разного рода интеллектуалы/морализаторы/пропагандисты, как-то незаметно стали восприниматься как часть социальной системы и современной жизни, как неизменная плата за цивилизацию, за вхождение в новый политический союз, в глобальный рынок информации, товаров, технологий и услуг. Албанское общество, в котором еще недавно даже фривольно брошенный женский взгляд воспринимался вопиющим вызовом коллективной морали и осененной веками традиции, переварило проституцию как банальное отступление от прежних принципов: “главное, чтобы не затронуло твою семью, а мир в целом разнообразен” (АМАЭ 2022: 46–48). То, что это явление в стране существует, признают как наделенные властью авторитеты, так и рядовые граждане. Однако оно не

оценивается как несущее угрозу обществу, а воспринимается скорее как девиантное поведение некоторых женщин, на которых повлияли дурное воспитание и отсутствие должного контроля, у которых “так сложились обстоятельства”.

“Курвы” и мундиры, погоны и политика

В последние годы, с начала 2000-х, в албанских СМИ периодически разворачиваются противоречащие друг другу кампании – против проституции или в поддержку ее декриминализации (снятия уголовной ответственности) либо легализации (признания в качестве трудовой деятельности): на страницах печатной периодики, в интернет-изданиях, на телевидении особо ретивые журналисты размещают горячие репортажи “с места событий” – с обочин дорог у городских скверов и из фойе гостиниц или безобидных на первый взгляд кафе, – снабженные завораживающими фото и видео ночной жизни Тираны и, реже, других городов (Фиера и пр.) (A duhet 2020; Fier 2022; Prostitucion 2022). Полицейские приступают к рейдам, призванным выявить “жриц любви” и пресечь незаконный бизнес. В этой связке СМИ–полиция не всегда бывает ясно, от кого в действительности исходит инициатива: то ли имеющие связи в органах журналисты публикуют “жареные” материалы, опережая рейды, о которых им становится известно, то ли полицейские вынуждены реагировать на сообщения прессы либо обращения граждан. В любом случае все развивается по одному сценарию: материалы полицейских операций какое-то время будоражат аудиторию национальных ежедневных газет, журналов и тв-программ, потом наступает пауза, которая прерывается очередным горячим репортажем, подхватываемым остальной прессой.

Ты знаешь, у меня вчера знакомый попал в облаву. Он сам из Кукеса, приехал в Тирану на своей машине развлечься. Познакомился с курвой через чат, посадил ее в машину... Места у них не было. Он тогда поехал на дорогу, ту, которая ведет налево от улицы Дурреса, переходящей в автостраду Тирана–Дуррес. Там съезжаются на машинах те, у кого места нет для секса. Улица там длинная, а домов особо нет, удобно – никто не увидит. И машины там обычно стоят в ряд. Они и приехали... Только начали, вдруг им в лобовое стекло стали светить яркие фонарики – полицейские! Ты же знаешь, у нас по закону запрещено заниматься сексом в общественных местах. А у него, у друга, семья! В общем, массой неприятностей все это грозило. У него с собой было больше 300 тысяч, это почти 300 евро. Он их и отдал полицейским, чтобы не привлекли. А вообще-то это коррупция! Правда же? Они борются для вида с преступлениями, а сами совершают преступления (ПМА 2017. Информант – албанец, 33 года, из Кэльцюры, округ Гирокастра; беседа записана в Тиране в сентябре 2017 г.).

В Албании время от времени случаются громкие скандалы, связанные с коррумпированностью отдельных представителей правоохранительных органов и правящей верхушки: чаще всего им инкриминируются наркотрафик, отмывание денег, контрабанда, экономические преступления. Нередко в обсуждаемые всей страной события такого рода бывают замешаны ближайшие родственники властной элиты. По официальной версии, именно этот факт в первую очередь мешает скорейшему принятию Албанией в Европейский Союз⁷ (хотя согласно рейтингу Индекса восприятия коррупции страна занимает лишь 110-е место). Вместе с тем в последние два десятилетия, в отличие от 1990-х годов, когда Албания в глазах европейцев прочно ассоциировалась с трафиком проституток, не произошло ни одного громкого скандала, который связал бы полицейских со “жрицами любви”. Этому факту существует несколько объяснений: 1) проституция перестала быть прибыльной “кормушкой” по сравнению с другими

видами незаконной деятельности; 2) ответственность за торговлю людьми подразумевает слишком большие сроки тюремного заключения (Kodi Penal 2014 [1995]: пп. 114, 114a, 114b, 115 etc.); 3) проституция и все, кто с ней связан, реально осуждаются и презираются в обществе. (К примеру, включенность в наркоторговлю, особенно за рубежом, вызывает, конечно, порицание у большей части жителей страны, но это именно порицание и неодобрение, а не стопроцентное осуждение.) (АМАЭ 2022)

Ситуация, как видно из материалов Министерства внутренних дел, СМИ, данных многолетних полевых наблюдений, существенно изменилась за последние 30 лет. В начале периода реформ 1990-х годов, когда, по определению современников, “рухнул строй”, люди вынуждены были выживать в новых экономических реалиях любой ценой; при этом существенно редуцировались моральные и нравственные принципы и приоритеты. Многие молодые женщины, отправляясь в столицу или за рубеж, прекрасно осознавали, что единственная “вакансия”, на которую они могут рассчитывать, – место на панели или в публичном доме. Нередко мужчины (женихи, мужья, ближайшие родственники) брали с собой своих женщин, обещая им лучшую долю. Но вдали от родного дома отбирали у них документы и “сдавали” в бордель в Италии, Греции или другой “благополучной” европейской стране. Для многих албанцев это был самый быстрый и понятный способ “хорошо” заработать. По таким случаям проведено значительное число расследований, снято множество репортажей, документальных и (полу)художественных фильмов (см., напр.: Shqipëria 2015; Arkivi 2023).

Без покровительства правоохранительных органов, силовых структур, чиновников разного уровня невозможно было ни наладить трафик проституток за рубеж, ни успешно организовать работу публичного дома, ни “снять сливки” с доходного отеля. Под прикрытием со стороны авторитетных людей в погонах пограничные суда “не догоняли” быстроходные катера, перевозившие проституток, инспекторы в упор “не видели” спрятанные за высокими заборами почти в центре столицы бордели, а отельеры и рестораторы приглашали к себе на гастроли заграничных “бабочек”, способных привлечь платежеспособных клиентов.

Вот отель “Кал...я” с пляжем (во Влёре). Все хорошо знают, что его владелец поднялся на проститутках. Еще при социализме он был чемпионом Албании по плаванию. В 90-е начал возить на катере проституток в Италию. Нелегально, ночью перевозил. Местные полицейские, пограничники закрывали глаза. Все знают об этом. А теперь у него бизнес: свой отель, пляж, ресторан. Уважаемый человек (ПМА 2003. Информантка – албанка, около 60 лет, из Тираны; беседа во Влёре в сентябре 2003 г.).

Сами же люди в мундирах, не жалевшие живота своего для достижения высоких званий при диктаторе Энвере, оказались в какой-то момент не у дел или в совершенно бедственном положении: на их ничтожное жалованье ничего нельзя было купить – ни по талонам, ни без талонов (продовольствие и предметы первой необходимости нормировались почти все годы строительства социализма и в “Период реформ” (алб. *Tranzicione* – “Реформы”) (Смирнова 2003). Чтобы выжить и каким-то образом прокормить свои семьи, часть этих людей, наименее щепетильная в плане морально-нравственного выбора, стала покровительствовать за мзду криминалу, а в отдельных местах даже его возглавлять; на этом бывшие чиновники и силовики “сбивали” свой начальный капитал (а деньги, согласно выражению, существующему во многих языках, не пахнут). Таким образом, люди в погонах во многом обеспечивали прикрытые криминальным группировкам, занимавшимся трафиком людей и сутенерством (Arkivi 2023).

За 30 лет реформ правоохранительная система Албании подверглась существенным изменениям. В первую очередь улучшилось экономическое обеспечение сотрудников полиции (как и других категорий трудоустроенных): так, средняя зарплата полицейских, повышенная в октябре 2022 г., составляла около €500 в месяц⁸, в то время как в 1990-е годы она равнялась приблизительно \$50 (INSTAT 2022; Shqiptarja.com 2023). Теперь, попадая на службу в Министерство внутренних дел, сотрудник пытается сделать здесь карьеру и работать до выхода на пенсию (раннюю и достойную). Рисковать потерять место в органах, да еще и “схлопотать срок” по криминальной статье за крышевание подпольного борделя или трафик проституток новобранцы не хотят, а их начальники больше не решаются: “Ты из-за курвы можешь попасть в тюрьму. Это не тот доход, ради которого стоит рисковать” (ПМА 2004. Информант – албанец гег, около 30 лет, инспектор полиции, бывший учитель гимназии; беседа записана на автостраде Приштина–Тирана в августе 2022 г.).

В самом же обществе отношение к проституции в подавляющем большинстве негативное, оно складывается из разных мнений.

И.: Я здесь встречался, кофе пил с подругой Роши (подруга Роши – договорное прозвище знакомой, владелицы собаки по кличке Роши). Рассказал ей, что у Токсиду был секс с проституткой.

А.Н.: А зачем ты вообще с ней обсуждаешь такие вещи? Это нормально?

И.: Нормально! Мне хотелось узнать женский взгляд на это, на проституцию.

А.Н.: Ну и что она?

И.: Она сказала, что это ужасно! Что мне это точно не надо – тратить деньги на курв. Лучше мне купить себе хорошей одежды, вкусной еды, заняться собой, чем тратить деньги на глупости. А что от нее можно ожидать? Она сама секс любит, часто меняет партнеров, очень трах...щаяся. А проститутки – это конкуренция! Все женщины так думают, наверное.

(ПМА 2022. Информант – албанец, 31 год, из Мальсия-э-Тиранес, агент по недвижимости; беседа в WhatsApp записана в декабре 2022 г.).

В полицейские участки часто поступают сигналы от простых граждан: домохозяйки жалуются на шум и неопозволенное поведение проституток и их клиентов в городских скверах. Один из самых популярных телевизионных каналов в стране *Klan* несколько программ посвятил “жрицам любви”, работающим в парках у Дворца культуры в центре столицы и на ее северо-западе – в Камезе (Fier 2022; Prostitucion 2022) (Рис. 3). Репортажи со скрытой камерой осветили проблему жильцов многоквартирных домов, возмущающихся, что они “не могут воспитывать детей в условиях, когда из окон и с балконов их квартир с вечера до утра можно наблюдать сцены переговоров девиц и клиентов, а также их соития прямо в кустах” (Prostitucion 2022). Журналисты выложили записи своих переговоров, похожих больше на торг, с “ночными бабочками”, озвучившими расценки на разного рода услуги: секс прямо здесь, в сквере; в машине клиента; в ближайшем отеле (в эквиваленте от €20 до €50; на интим в гостинице самая высокая цена). Комментарии телезрителей на данные репортажи не заставили себя долго ждать: “Куда катится наша страна?”; “Сколько мы будем это терпеть?”; “Позор Албании!”; “Куда смотрят полицейские, только на то, пристегнут ли ремень безопасности?”. В действительности в одном из репортажей рядом с “рабочим местом” “ночных тружениц” дежурил полицейский патруль, наблюдавший за проезжающими автомобилистами и не обращавший внимания на то, что у него происходит за спиной – видимо, не их зона ответственности.

В Тиране существует большое число небольших отелей и частных апартаментов, предлагающих комнаты для интимных встреч. Речь идет не о раз-

Рис. 3. На площади Скандербег с информантом экспедиции.
Тирана, Албания. Май 2022 г. Фото А.А. Новика

ветвленной сети одного бизнеса, а об усилиях многочисленных домовладельцев, стремящихся извлечь выгоду из своей недвижимости и страстей других. Эта ситуация обусловлена тем, что албанцы чаще всего живут большими семьями в одном доме или квартире: неженатые и незамужние дети обычно остаются с родителями, здесь же проживают бабушка и/или дедушка. Даже если у взрослых детей стабильные и высокие доходы, они не стремятся обособиться, снять или купить отдельное жилье – это считается не совсем приличным. Схожая ситуация, впрочем, наблюдается и в соседних балканских странах. Так, к примеру, мой знакомый, 40-летний грек из Афин, владелец туристической фирмы, жил вместе с родителями, а для интимных встреч снимал квартиру в центре города у площади Синтагма; о тратах своего сына родители, естественно, ничего не знали (ПМА 2004).

Свою актуальность не потеряла и такая деятельность, сопряженная с проституцией, как сводничество. Приведу лишь один факт: в Фиере владелица хорошо известного горожанам и приезжим кафе, предлагающего кофе и прочие напитки, по желанию клиента может вызвать по телефону одну из своих сотрудниц, готовую оказать любые секс-услуги в ближайшем отеле; сверх таксы мужчине нужно заплатить 1000 леков (около €10) не страдающему щепетильностью владельцу “ключей от алькова”. “Чего необычного? Пойдем в ближайший отель. Ты платишь тысячу. В гостинице не спросят, зачем пришли. Понимают. У меня и парень понимает, чем я зарабатываю. Парень у меня, конечно, есть. Наверное, не дурак. А чем я еще заработаю? Презерватив у меня есть, не волнуйся! Я горяча в постели (смех)” (Fier 2022). Сама фьерская пuffedуттер,

впрочем, не скрывает своего пути в профессии: “Я теперь с клиентами не работаю. А раньше не стеснялась... Посмотри, я в хорошей форме, тело у меня еще красивое (показывая обтянутую кофтой грудь и толстый, в несколько объемных складок живот). Все делала... А теперь возраст. И у меня желудок болит. Не делаю больше” (Ibid.).

Данные мини-интервью могли бы дополнить полицейские сводки и распоряжения Министерства внутренних дел королевской Албании 1920–1930-х годов – свидетельства усилий слуг государевых (от его превосходительства министра до добровольного агента органов безопасности), безуспешно боровшихся с владельцами кофеен и закусочных, которые держали публичных женщин в качестве персонала: “Как известно, происходят скандалы и нарушения спокойствия в кафе, где есть ахэнги и женщины. Не удивительно, что случаются происшествия, резня и убийства” (*Baxhaku, Kapo* 2014: 143–144).

Выслать всех “гулящих” – как иностранок, так и компатриотов – в специальные дома терпимости либо за рубеж у властей не получилось тогда, не выходит и теперь. А в последние годы на этом пути возникло новое препятствие в виде всесильного и неподступного *EUR-Lex*, официального рупора Европейского Союза, публикующего законодательные акты и юридические тексты, обязательные на его территории (*EUR-Lex* 2023). Многолетние попытки Албании стать членом ЕС наталкиваются на многочисленные требования гармонизации законодательства страны с законами и правилами государств – членов объединения. Выдвинутое в 2016 г. в качестве обязательного требование исключения из Уголовного кодекса Албании статей 113, 114 и др. (за занятие проституцией и ее организацию) было увязано с рекомендациями по легитимизации однополых браков. Правительство и парламент страны смогли быстро удовлетворить ЛГБТ-сообщество и еврокомиссаров принятием соответствующего закона (под смехи местных депутатов и язвительные комментарии в местной прессе). А вот в вопросе исключения статей уголовного кодекса, касающихся проституции, законодательство забуксовало, прежде всего в силу неоднозначной оценки самого явления и возникшей дискуссии в обществе. С одной стороны, большинство албанцев уверенно голосуют за выбор европейского пути развития, а с другой – не готовы принять европейские (анти?)ценности.

В современном мире многие явления принимают новые формы или приобретают иную окраску. Так происходит и с древнейшей профессией. Общее осуждение проституции каким-то образом не распространяется, а если и распространяется, то в редуцированном виде, на новую “специальность” – “работница службы эскорта”, появившуюся в Албании в 2010-е годы явно под влиянием западного примера. Возможно, на такое отношение влияет малая осведомленность большей части населения о специфике данного труда. Тому, что эта специальность утвердилась в Албании, в значительной степени способствовали социальные сети. Состоятельные люди (бизнесмены, политики, финансисты, представители шоу-бизнеса и пр.), отправляясь в разного рода вояжи, путешествия, на деловые встречи и увеселительные мероприятия (парти, корпоративы и др.), стали приглашать не жен, подруг или заместителей по работе, а девушек с яркой внешностью и выразительными формами, которые способны произвести впечатление на окружающих, а значит, по задумке, повысить статус и значимость делового мужчины в их глазах. Чем эффектнее блонетка, блондинка или шатенка, тем, якобы, успешнее и деловой человек, которого она сопровождает, т.к. он может ее содержать или, по крайней мере, оплачивать ее недешевое рабочее время (от €200 до €1000 в час, согласно предложениям

на сайте EuroGirlsEscort.com для Албании). К сотрудничеству были привлечены девушки “приятной внешности и незаурядных способностей”, как гласит реклама возникших в немалом количестве агентств по подбору соответствующего персонала. На смену нелегальным борделям и работавшим на свой страх и риск индивидуалкам 1990-х – начала 2000-х годов пришли прекрасно оснащенные, с немалым начальным капиталом, проработанным бизнес-планом и прекрасным знанием психологии людей компании, готовые оказать весьма деликатные и хорошо засекреченные услуги. Их деятельность, что важно, совсем не коррелирует в общественном сознании с криминальными деяниями – а ведь еще совсем недавно за “платную любовь” можно было схлопотать реальный тюремный срок.

В бизнес эскорт-услуг втянуты как провинциалки, приехавшие покорять столичный регион Тирана–Дуррес, так и местные девушки, привлекаемые немалыми гонорами и красивой жизнью. Первых, согласно нашим наблюдениям и данным СМИ, больше; это можно объяснить пониженным уровнем социаль-

ной ответственности – ведь родные и друзья далеко, и шансов, что они узнают о занятии дочери или сестры, меньше, чем у жительниц столицы (АМАЭ 2022). Главные требования к соискательницам – эффектная внешность и умение себя подать. В последние десятилетия отмечается спрос “на худых и с пышной грудью” девушек – считается, что именно таких не стыдно представить коллегам по бизнесу и друзьям. Фактор престижа в подходах к красивому–некрасивому диктует многое в моде, поведенческих стереотипах и даже в ведении бизнеса (!). Размываются незыблемые прежде границы допустимого–недопустимого. Если раньше, согласно устоявшимся за десятилетия правилам бизнес-этикета и протокола, руководитель мог явиться на переговоры или деловую встречу исключительно со своим замом, финансовым директором или главным бухгалтером (которые могли быть женщинами любого возраста и внешности), но ни в коем случае ни с очаровательной секретаршей (своей или друга) или другой сотрудницей компании, обладающей пышными формами, но занимающей скромную должность, то теперь реальность изобилует примерами обратного; строгие правила стали давать трещину. На этом фоне и сложился рынок эскорт-услуг, ведь не даром с начала 2000-х годов маркетоло-

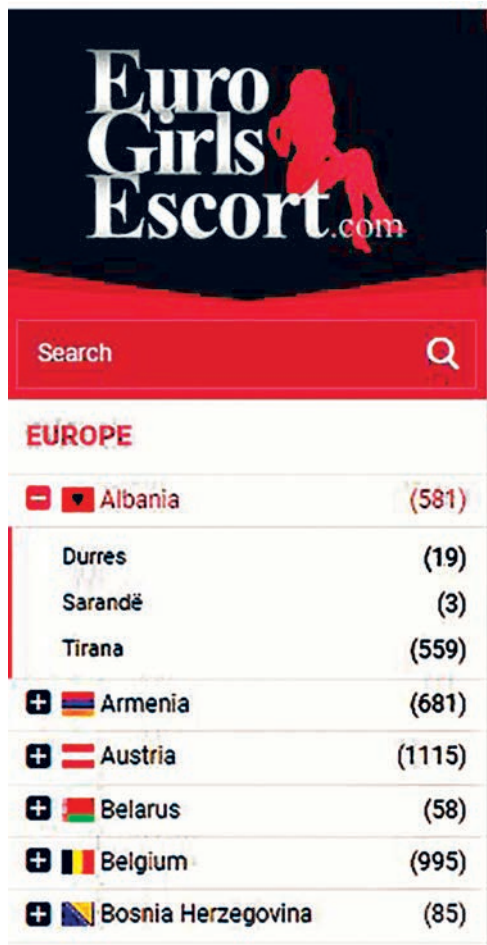

Рис. 4. Страница сайта EuroGirlsEscort.com (в свободном доступе)

логи и бизнес-тренеры в большинстве стран мира утверждают, что на смену экономике технологий пришла экономика впечатлений.

Мы вчера ходили с Аидой в ночной клуб. Она нас позвала. Я под сильным впечатлением. Было много людей, хорошая музыка. Но поразило другое. Там что-то отмечали какие-то бизнесмены. Видно, что при деньгах. С ними были девушки – сразу было видно, что эскортницы. Красивые. Высокие. Все при формах. Одеты шикарно. На высоченных шпильках. Какие бы танцы ни начинались, они выходили и давали фору всем остальным. Внимание всех было приковано только к ним. Танцевали они и современные танцы, и традиционные. И на столах танцевали. Любой народный танец – и они под музыку в такт танцуют и выводят слишком замысловатые движения. Видно, что учились специально, не просто так. Профессионалки во всем. И что эскортницы – тоже сразу видно (ПМА 2021. Беседа с российской исследовательницей-антропологом, 33 года; запись сделана в Тиране в сентябре 2021 г.).

Наравне с местными в эскорт-услуги включились и иностранки. Так, согласно международному сайту EuroGirlsEscort.com, в Албании зарегистрирована 581 труженица интим-услуг (19 в Дурресе, три в Саранде – курортном городе на Ионическом побережье и 559 в столице) (Рис. 4). Из них только пятеро “официально” говорят по-албански, т.е. большинство – иностранки, а это значит, что свои услуги через сайт (только одна регистрация на сайте для клиентов обходится в €30) местные почти не предлагают, довольствуясь отечественными базами данных и “фирмами”: службами знакомств, массажными кабинетами и пр. Факты работы подобных открыто рекламирующих себя либо замаскированных агентств фиксируются все чаще и чаще. Больше становится и сообщений в прессе о пресечении правоохранительными органами деятельности фирм эскорт-услуг. Так, осенью 2022 г. в Тиране были арестованы гражданка Колумбии В.Р. и шесть девушек из Венесуэлы, Колумбии, Испании и России в возрасте от 20 до 30 лет, прибывшие в страну для сопровождения албанских клиентов и оказания интимных услуг за вознаграждение. Суд позже освободил “жриц любви” из-под стражи с условием дальнейшего выдворения из страны и выплаты соответствующих штрафов. К ответственности были привлечены и четыре собственника жилья, сдавшие гастролировавшим путанам квартиры, их обвинили в неисполнении закона о регистрации проживающих и неуплате налогов. Данный случай долго муссировался в СМИ, однако в новостях на злобу дня ставился акцент на том, что девушки – приезжие из Латинской Америки (факт гражданства россиянки как-то вообще выпал из контекста, несмотря на острую антироссийскую полемику в общественном дискурсе в связи с украинским кризисом). Общество по-прежнему склонно видеть угрозу устоям и нравам не во внутренних проблемах, таких как безработица, отсутствие перспектив для молодежи, отток трудоспособного населения в западные страны, а в *чужих* – во влиянии чуждого образа жизни, в пропаганде иных ценностей, в смене нравственной парадигмы. Традиционный взгляд на явление “любви за деньги”, существенно трансформировавшееся за время бурных событий XX в., остался консервативным и не готовым к революционным сдвигам.

* * *

Подводя итоги анализа явления женской проституции в Албании, а также отношения к нему в социуме на фоне активно позиционируемого мачизма, укорененного в традиционной культуре народов Балкан, важно указать следующее.

Албанское общество в отношении интимной, сексуальной, личной жизни человека продолжает оставаться достаточно консервативным, несмотря на структурные трансформации, произошедшие в XX в. и особенно в последние три десятилетия: что позволено совершать и декларировать мужчине, остается, как правило, табуированным для женщины. Такое неравенство наиболее ярко проявляется в социальном дискурсе, касающемся проституции: на одном полюсе отрицание, осуждение, призывы к строжайшему запрету всех форм данной практики, на другом – принятие ее как явления, согласие на ее декриминализацию и/или легализацию (что воспринимается многими как одобрение). Допустимость широкого обсуждения данной темы в СМИ, учебных заведениях, среди законодателей и других представителей истеблишмента – это своего рода слом в общественном сознании: то, что раньше являлось табуированным, стало публичным. Безоговорочное стремление страны стать частью Евросоюза с его политическими, экономическими (прежде всего!) и правовыми институтами не приводит автоматически к принятию большинством албанцев предлагаемых правил и законов, паритетов и векторов развития.

Главным залогом успешности в интимной сфере – согласно опросам информантов в 1990–2022 гг., а также имеющейся источниковой базе – являются не нововведения и вседозволенность (включая любовь за деньги), навязываемые извне, а сохраняющаяся нравственная атмосфера: традиционные ценности, крепкие семейные отношения и прочие “старинные рецепты”. Немногочисленные сторонники легитимизации проституции, указывающие на то, что противниками их мнения являются “сплошь мамыши с детьми, старики да лицемеры”, уступают в развернувшейся полемике традиционалистам (АМАЭ 2022). Аргументы последних коррелируют с широко распространенными “патриархальными” убеждениями и верой в высокий нравственный потенциал общественных институтов прошлого, где не было места такому явлению, как проституция, а соответственно, вступают в глубокое противоречие с транслируемыми глобальным информационным пространством и усиленными политическим мейнстримом установками и приоритетами.

Снятие табу на сферу сексуальной жизни в балканских обществах и доступность информационных ресурсов приводят лишь к частичному размыванию “родной гавани” – традиционных семейных ценностей; на Балканах по-прежнему довлеют патриархальные устои и стереотипы, продолжающие играть большую роль в жизни людей, независимо от их вероисповедания, социальной, культурной и региональной принадлежности.

Примечания

¹ Другие регионы, – Косово, западные области Северной Македонии и юг Черногории – где преобладает албанское население, ввиду специфики общественно-политических и экономических процессов, протекавших на их территории в XX в., осознанно остаются за рамками пристального интереса автора.

² В п. 87 статута, написанного на латыни, регламентируются правила поведения, проживания, “дресс-код” и проч. публичных женщин (Nadin 2002).

³ *Бейтеджі* – в ориентальной поэзии авторы произведений самостоятельного жанра лирического, философского и любовного содержания – *бейтов*.

⁴ В Албании проживает несколько групп цыган, имеющих, в зависимости от происхождения, языка, религиозной принадлежности и профессиональных занятий, различные экзо- и эндоминации: *евги*, *габели*, *маджубы*, *ромы* и др.

⁵ К примеру, в Пекине, небольшом в те времена торговом центре сельского района, по донесению полиции от 1930 г., все шесть “публичных женщин” были цыганками (*Baxhaku, Karo* 2014: 108).

⁶ Уголовное наказание за занятие проституцией, сводничество, сутенерство, содержание мест для занятий проституцией, трафик проституток и проч. сохраняется и в современном Уголовном кодексе Албании. Ст. 113, 114, 114a, 114b и 115 предусматривают денежный штраф или тюремное заключение сроком от 1 до 3, от 2 до 5 и от 7 до 15 лет, в зависимости от тяжести преступления и рецидива; самое строгое наказание – за вовлечение родственников и трафик проституток (*Kodi Penal* 2014 [1995]).

⁷ В ответ на обвинения в непрозрачности правовой системы Албании премьер-министр страны Эди Рама в январе 2023 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе огрызнулся, использовав нецензурную брань, и указал на вспыхнувший коррупционный скандал в верхушке Парламента Евросоюза (*Preussen* 2023).

⁸ С октября 2022 г. минимальный оклад равен 57 500 лек, приблизительно €500 (у инспектора), максимальный – 125 000 лек, около €1100 (у старшего командира) (*INSTAT* 2022; *Shqiptarja.com* 2023).

Источники и материалы

- АМАЭ 2018 – Новик А.А. Экспедиционная работа в зоне греческо-албанских контактов (Южная Албания, Химара). Полевые записи. Автограф 01.09.2018 – 29.09.2018 // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 2283. 56 л.
- АМАЭ 2022 – Новик А.А. Балканская экспедиция – 2022. Этнолингвистические исследования на Балканах. Полевая тетрадь. Автограф 29.07.2022 – 17.08.2022; 28.08.2022 – 25.09.2022 // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. Вр. б/н. 98 л.
- Пиша (Баткина) 2011 – Пиша (Баткина) Т. Нас спасла надежда. Советские жены в албанском ГУЛАГе. Израиль: [б.и.], 2011.
- ПМА 1990–2022 – Новик А.А. Полевые материалы автора. Албания. 1990–2022.
- Славянские древности 1995–2012 – Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Ред. Н.И. Толстой. М.: Международные отношения, 1995–2012.
- Io Diethnes 2003 – Io Diethnes συμποσιο “Ο Έρωτας στην Αρχαία Ελλάδα”. 19–21 Σεπτεμβρίου. Ευρωπαϊκό Πολιτιστικό Κέντρο Δελφών. Δελφοί: Ίδρυμα πολιτισμού και εκπαίδευσης “Ανδρέας Λεντακης”, 2003.
- A duhet 2020 – A duhet legalizuar prostitucionin në Shqipëri? Vendet që e lejojnë // Express. 09.01.2020. <https://www.gazetaexpress.com/a-duhet-legalizuar-prostitucionin-ne-shqiperi-vendet-qe-e-lejojne>
- AQSh 1938 – Arkivi Qendror i Shtetit. Tiranë. Dosjet 1938.
- AQSh 1945–1990 – Arkivi Qendror i Shtetit. Tiranë. 1945–1990.
- Arkivi 2023 – Arkivi // Ministria e Brendshme. 2023. <https://mb.gov.al/category/forca-e-ligjit/page/8>
- EUR-Lex 2023 – EUR-Lex: EU law. 2023. <https://eur-lex.europa.eu/homepage.html>
- Fier 2022 – Stop – Fier / Prostitucioni ne lokal, pronarja u rregullon kliente vajzave – 1 Mars 2022. https://www.youtube.com/watch?v=frCt_bcxNWA
- Folklor 1963–1966 – Folklor shqiptar: Proza popullore, 5 vëllime. Tiranë: Instituti i Folklorit, 1963–1966.
- INSTAT 2022 – Institute of Statistics. 2022. <http://www.instat.gov.al/en/figures>

- Instituti n.d. – Instituti i studimeve për krimet dhe pasojat e komunizmit. <http://www.iskk.gov.al/?lang=en> (дата обращения: 04.06.2017).
- Java 1936 – Java, përjavore. Tiranë, 1936(?).
- Kadare 1971 – *Kadare I.* Kronikë në gur. Tiranë: Naim Frashëri, 1971.
- Kadare 2002 – *Kadare I.* Jeta, loja dhe vdekja e Lul Mazrekut. Tiranë: Onufri, 2002.
- Kipling 1889 – *Kipling R.* In Black and White. Allahabad: A.H. Wheeler, 1889.
- Kodi Penal 2014 [1995] – Kodi Penal i Republikës së Shqipërisë. Miratuar me ligjin nr. 7895, datë 27.01.1995. Botim i Qendrës së Botimeve Zyrtare, djetor 2014. https://www.drejtesia.gov.al/wp-content/uploads/2017/11/Kodi_Penal-1.pdf
- Marko 2000 – *Marko P.* Retë dhe gurët. Intervistë me vetveten. Tiranë: OMSCA, 2000.
- Marubi 2003 – Marubi. Shqipëria 1858–1950 / Kurator R. Tasho. Shkodër; Roma, 2003.
- Muzeu n.d. – Muzeu Kombëtar i Përgjimeve të Sigurimit të Shtetit “Shtëpia me gjethe”. <http://muzeugjethi.gov.al> (дата обращения: 19.02.2023).
- Preussen 2023 – *Preussen W.* Albanian PM to EU Parliament: “Karma is a bitch” // Politico. 19.01.2023. <https://www.politico.eu/article/albania-edi-rama-european-parliament-davos-world-economic-forum-qatar-corruption-scandal-qatargate-morocco-roberta-metsola>
- Programi 2023 – Programi i Integruar për Zhvillimin Rural – Programi i 100 Fshatrave. Ministria e Bujqësisë dhe Zhvillimit Rural. 2023. <https://www.bujqesia.gov.al/programi-i-integruar-per-zhvillimin-rural-programi-i-100-fshatrave-2>
- Prostitucion 2022 – Stop / Prostitucion afër pallatit: 30 mijë Lekë në makinë, 50 mijë në hotel - 1 Nëntor 2022 // RTV Klan. <https://www.youtube.com/watch?v=QeSRTaAVonc>
- Shqipëria 2015 – Shqipëria rikthehet në listën e vendeve për trafik prostitucioni // Al in Sweden. A topnotch WordPress.com site. 20.07.2015. <https://alinsweden.blog/2015/07/20/shqiperia-rikthehet-ne-listen-e-vendeve-per-trafik-prostitucioni>
- Shqiptarja.com 2023 – Shqiptarja.com. 18.02.2023. <https://shqiptarja.com/lajm/rritja-e-pagave-per-punonjesit-e-policise-rroga-me-e-ulet-57500-leke-per-graden-komisar-me-e-larta-125-mije-leke-per-drejtuesin-madhor>

Научная литература

- Десницкая А.В. Албанская литература и албанский язык. Л.: Наука, 1987.
- Домосилецкая М.В., Новик А.А. Быть несгибаемым, как дерево: афродизиаки у албанцев Западных Балкан // Этнографическое обозрение. 2022. № 3. С. 9–31. <https://doi.org/10.31857/S0869541522030022>
- Иванова Ю.В. Албанцы и их соседи. М.: Наука, 2006.
- Кон И.С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М.: О.Г.И., 1997.
- Мыльников А.С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания, XVIII–XIX вв. СПб.: Петрополис, 1997.
- Новик А.А. Еврейки – “русские/советские” жены в Албании: 1940-е – 1990-е гг. // Еврейские диаспоры в Европе и мире: полевые и источниковедческие исследования. Вып. 1 / Отв. ред. А.А. Новик, Н.Г. Голант. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 151–175.
- Смирнова Н.Д. История Албании в XX веке. М.: Наука, 2003.
- Adler L. *La Vie Quotidienne Dans Les Maisons Closes: 1830–1930.* Paris: Fayard, 2013.

- Anamali S., Prifti K.* Historia e popullit shqiptar. Vol. 1. Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë; Instituti i Historisë; Shtëpia botuese “Toena”, 2002.
- Baxhaku F., Kapo K.* Gra të përgjithshme. Histori prostitucioni shqiptar në periudhën e Zogut. Tiranë: Dituria, 2014.
- Clarke J.R.* Looking at Lovemaking: Constructions of Sexuality in Roman Art 100 B.C. – A.D. 250. Berkeley: University of California Press, 2001.
- Dufour P.* Histoire de la prostitution chez tous les peuples du monde: depuis l’antiquité la plus reculée jusqu’à nos jours. Paris: Seré, 1851.
- Foucault M.* The History of Sexuality. Vol. 1. N.Y.: Vintage Books, 1980.
- Freud Z.* Zur Psychopathologie des Alltagslebens (Über Vergessen, Versprechen, Vergreifen, Aberglaube und Irrtum). Berlin: Verlag von S. Karger, 1901.
- Gjeçovi S., Fox L.* (red.) Kanuni i Lekë Dukagjinit. N.Y.: Gjonlekaj Pub. Co., 1989.
- Gjergji A.* Mënyra e jetesës në shekujt XIII–XX. Përmbledje studimesh. Tiranë: KOTTI, 2002.
- Malinowski B.* The Sexual Life of Savages in North-Western Melanesia: An Ethnographic Account of Courtship, Marriage and Family Life Among the Natives of the Trobriand Islands, British New Guinea. N.Y.: Harvest Books, 1929.
- Nadin L.* Statutet e Shkodrës / Përktheu P. Xhufi, V. Lisi. Tiranë: Onufri, 2002.
- Ratsch C.* Plants of Love: Aphrodisiacs in Myth, History, and the Present. Berkeley: Ten Speed Press, 1997.
- Ringdal N.J.* Love for Sale: A World History of Prostitution. N.Y.: Grove Atlantic Inc., 2007.
- Sanger W.W.* The History of Prostitution: Its Extent, Causes, and Effects throughout the World. N.Y.: Medical Publishing Co., 1913.
- Tirta M.* Etnologjia e shqiptarëve. Tiranë: GEER, 2006.
- van Gennep A. Rites of Passage. L.: Routledge; Taylor and Francis Group, 2004 [1909].

Research Article

Novik, A.A. Secretly and Openly: The Inscrutable Ways of the Forbidden Profession in Albania [Vtaine i v otkrytiu: neispovedimye puti zapretnoi professii v Albanii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 3, pp. 43–69. <https://doi.org/10.31857/S086954152303003X> EDN: COVOIQ ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Alexander Novik | <http://orcid.org/0000-0002-1123-1109> | njual@mail.ru | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Keywords

prostitution, Western Balkans, machismo, sexuality, reflections in society, customary law and legislation

Abstract

The article offers an anthropological analysis of the ups and downs of female prostitution in the western Balkans in the 20th and early 21st centuries. The difficult fate of the region, which managed to change several sociopolitical formations, cultural codes, and centers of civilizational attraction over the course of only three generations,

had a huge impact on the public perception of the phenomenon of selling oneself for sexual activities: from a positive assessment of commercial expediency and “good for men” to a sharp condemnation of “bourgeois exploitation” and hopelessness of the unfortunate “victims of feudal relations and predatory capitalism”, from total silence about the very fact of the existence of the phenomenon to secret admiration for the courage of priestesses of love and, as a result, numerous reflections in the media and the social establishment, caused by the need to change the country’s criminal code regarding prostitution under the pressure from the European Union in order to harmonize legislative acts. In Albania, with its numerous patriarchal vestiges still remaining in the outback and “highly advanced” relations between the sexes in the capital region, there are different approaches of representatives of different social strata to the assessment of “love for money”, which is the main focus of my research interest, reflecting the 30 years of my fieldwork in various regions of the Balkans.

References

- Adler, L. 2013. *La Vie Quotidienne Dans Les Maisons Closes: 1830–1930* [Daily Life in Brothels: 1830–1930]. Paris: Fayard.
- Anamali, S., and K. Prifti, eds. 2002. *Historia e popullit shqiptar* [The History of the Albanian People]. Vol. 1. Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë; Instituti i Historisë; Shtëpia botuese “Toena”.
- Baxhaku, F., and K. Kapo. 2014. *Gra të përgjithshme. Histori prostitucioni shqiptar në periudhën e Zogut* [Common Women: History of Albanian Prostitution in the Zogu Period]. Tiranë: Dituria.
- Clarke, J.R. 2001. *Looking at Lovemaking: Constructions of Sexuality in Roman Art 100 B.C. – A.D. 250*. Berkeley: University of California Press.
- Desnitskaia, A.V. 1987. *Albanskaia literatura i albanskii yazyk* [Albanian Literature and Albanian Language]. Leningrad: Nauka.
- Domosiletskaya, M.V., and A.A. Novik. 2022. Byt’ nespibaemym, kak derevo: afrodisiaki u albantsev Zapadnykh Balkan [To Be Unbending Like a Tree: Aphrodisiacs among the Albanians of the Western Balkans]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 9–31. <https://doi.org/10.31857/S0869541522030022>
- Dufour, P. 1851. *Histoire de la prostitution chez tous les peuples du monde: depuis l’antiquité la plus reculée jusqu’à nos jours* [History of Prostitution among All the Peoples of the World: From the Most Remote Antiquity to Our Days]. Paris: Seré.
- Foucault, M. 1980. *The History of Sexuality*. Vol. 1. New York: Vintage Books.
- Freud, Z. 1901. *Zur Psychopathologie des Alltagslebens (Über Vergessen, Versprechen, Vergreifen, Aberglaube und Irrtum)* [On the Psychopathology of Everyday Life (On Forgetting, Promising, Mistaking, Superstition and Error)]. Berlin: Verlag von S. Karger.
- Gjeçovi, S., and L. Fox, eds. 1989. *Kanuni i Lekë Dukagjinit* [The Canon of Lekë Dukagjin]. New York: Gjonlekaj Pub. Co.
- Gjergji, A. 2002. *Mënyra e jetesës në shekujt XIII–XX. Përmbledje studimesh* [The Way of Life in the 18–20 Centuries: Summary of Studies]. Tiranë: KOTTI.
- Ivanova, Y.V. 2006. *Albantsy i ikh sosedi* [Albanians and Their Neighbors]. Moscow: Nauka.
- Kon, I.S. 1997. *Seksual’naia kul’tura v Rossii. Klubnichka na berezke* [Sexual Culture in Russia: Strawberry on a Birch]. Moscow: O.G.I.
- Malinowski, B. 1929. *The Sexual Life of Savages in North-Western Melanesia: An Ethnographic Account of Courtship, Marriage and Family Life Among the Natives of the Trobriand Islands, British New Guinea*. New York: Harvest Books.

- Mylnikov, A.S. 1997. *Narody Tsentral'noi Evropy: formirovanie natsional'nogo samosoznaniia, XVIII–XIX vv.* [The Peoples of Central Europe: The Formation of National Identity, 18–20 Centuries]. St. Petersburg: Petropolis.
- Nadin, L. 2002. *Statutet e Shkodrës* [Statutes of Shkodra], translated by P. Xhufi and V. Lisi. Tiranë: Onufri.
- Novik, A.A. 2018. Evreiki – “russkie/sovetskie” zheny v Albanii: 1940-e – 1990-e gg. [Jewish Women – “Russian/Soviet” Wives in Albania: 1940s – 1990s]. In *Èvreiskie diaspory v Evrope i mire: polevye i istochnikovedcheskie issledovaniia* [Jewish Diasporas in Europe and the World: Field and Source Studies], edited by A.A. Novik and N.G. Golant, 1: 151–175. St. Petersburg: MAE RAN.
- Ratsch, C. 1997. *Plants of Love: Aphrodisiacs in Myth, History, and the Present*. Berkeley: Ten Speed Press.
- Ringdal, N.J. 2007. *Love for Sale: A World History of Prostitution*. New York: Grove Atlantic Inc.
- Sanger, W.W. 1913. *The History of Prostitution: Its Extent, Causes, and Effects throughout the World*. New York: Medical Publishing Co.
- Smirnova, N.D. 2003. *Istoriia Albanii v XX veke* [History of Albania in the 20th Century]. Moscow: Nauka.
- Tirta, M. 2006. *Etnologjia e shqiptarëve* [Ethnology of the Albanians]. Tiranë: GEER.
- van Gennep A. (1909) 2004. *Rites of Passage*. London: Routledge; Taylor and Francis Group.